

Глава 1

— Ага, ну прости, я уже пообещала Леше, что пойду в кино с ним. А завтра мы на шашлыках с его друзьями...

Я повела носом, реагируя на слово «шашлыки», представляя куски мяса в луке и маринаде. Сочные, с жирком, пахнущие, как самая заветная мечта гурмана, и на вкус наверняка не хуже. Пока в моей голове формировался идеальный вид сырого мяса, а рот наполнялся слюной, Ирка еще говорила что-то. Судя по тону, скатывалась в извинения и оправдания. Тяжело вздохнув, я переложила телефон в другую руку и сунула освободившуюся в карман домашних брюк.

— Ир, все нормально. Я поняла. Погуляю одна. — Я сделала почетный круг по нашей с мамой однокомнатной квартире, обходя журнальный столик и угловой диван.

— Ну не обижайся, пожалуйста.

— Что ты, какие обиды. — Пройдясь по комнате, я пнула плюшевого бегемота, которого часто использовала в качестве подушки или подпорки для спины на диване. — За зимние каникулы, которые, кстати, подходят к концу, мы увиделись три раза, притом что живешь ты в двадцати минутах ходьбы от меня. Я ничего не знаю про твоего Лешу, кроме того, что он программист и у него есть машина, а еще он голубоглазый блондин, что никогда не считалось твоим типажом. Вы встречаетесь больше месяца, а ты так и не познакомила его со мной, как бы своей лучшей подругой. Какие уж тут обиды.

— Агаточка...

— Не. Называй. Меня. Агаточкой, — процедила я, хмуро разглядывая себя в зеркальную дверцу шкафа-купе в прихожей.

— Прости. Это сложно объяснить, мы.. он..

— Перекраивает тебя под себя, — продолжила я, перебив. — Помнишь предыдущие сессии? Мы всегда готовились к экзаменам вместе. А в эту..

— Я сама знаю, что завалила ее, для нотаций у меня мама есть! — огрызнулась Ирка, почуяв, куда я клоню. Действительно, на этой сессии она завалила три экзамена из пяти, можно было помахать ручкой красному диплому. В отличие от меня, она к нему стремилась два предыдущих курса и первую половину третьего, пока в ноябре в ее жизни не появился этот индивид, чья личность под грифом «секретно».

— Видимо, она познакомилась с таинственным Лешей и настолько им очаровалась, что не обратила внимания на твою съехавшую учебу, систематические прогулы и мое рекордное за последние два года отсутствие у вас в гостях, — едко отметила я.

— Агаг, прекрати меня отчитывать, я взрослый человек, и я не могу все время быть рядом с тобой! — вспыхнула на том конце Ругалова, яростно засопев.

— Ты кто? Взрослый человек? А кто звонил мне три дня назад, не зная, как сварить макароны: в холодную их воду бросать или в кипящую?

— Ну и что! Мое неумение готовить — не показатель!

— Верно. Показатель — нежелание подумать. Как можно сварить макароны, бросив в холодную воду?

— Вольская, отстань! Ты не понимаешь, а объяснить — сложно. Мне важно быть с ним, я ему нужна, ясно? Увидимся в универе, Агаточка! — мелочно припечатала Ругалова, тем самым подписав себя на поток моих язвительных замечаний при первой же встрече.

Разговор завершился прежде, чем я успела сказать кое-что о шаблонности ее заявлений, почерпнутых явно из бульварных романчиков. Буркнув нечто нецензурное телефону, я подкинула его и поймала на лету, тут же пряча в карман. Ирка позвонит вечером и извинится, всегда так. Бесится, потому что я права (а, как истинная зануда, я права почти всегда), вот и трубки бросает.

Итого еще три дня каникул в одиночестве. Не сказать, чтобы оно особо меня тяготило... Но гулять по городу

я все же любила в компании: рассматривать рекламные афиши, обсуждать планирующиеся концерты или выход фильмов... Ладно, и одна пройдуся.

Тем более сейчас, когда из ремонта вернулся мой плеер, с легкой руки мамы испытавший на себе пытку водой путем попадания в стиральную машину. Обнаружив свои теплые носки на батарее в ванной, я быстро натянула их поверх тонких, сменила домашнюю одежду на джинсы и водолазку, подкрасила ресницы и, нацарапав своим кривым почерком записку маме в духе: «Ушла гулять — вернусь не скоро, ужин на плите», остановилась в прихожей. Мелочь по карманам пуховика, телефон — во внутренний, борьба со шнурками тяжелых зимних ботинок, шарф, шапка, ключи, наушники... Почему мелочей всегда так много и все, как назло, нужны?

Включив плеер, я вышла за дверь, повернула ключ в замке на три оборота и шагнула в темный зев лестничной площадки. Лампочка опять перегорела, хотя вроде бы старшая по подъезду, баба Валя с третьего этажа, только вчера ее меняла — я слышала ее возню в коридоре, пока мыла в прихожей полы.

Отсутствие освещения никогда не было для меня проблемой, я не боялась темноты и легко в ней ориентировалась, чего нельзя было сказать о моей маме, способной превратить обыкновенный ночной поход за стаканом воды в настоящую катастрофу. Тяжело вздохнув, я потопала на третий этаж, по дороге отмечая пару свежих надписей на стенах, адресованных Светке с четвертого. Не все из них были признаниями в любви, и, встретив несколько вполне себе конкретных пожеланий умереть в расцвете лет, я усмехнулась, качая головой.

Интересно, кто выпускает этих доброжелателей в подъезд? И как Светка, двадцатитрехлетняя секретарша в какой-то турфирме, умудряется каждый год находить себе по поклоннику-вандалу? В смысле, это же старая школа — расписывать подъезды уже не модно. Куда круче создать мем и запостить по нескольким соцсетям сразу — и охват, и эффект...

Поймав себя на том, что рассуждаю в рамках своей специальности связей с общественностью и пиара, я

хмыкнула, качая головой. Знания универа налипали сами собой, достаточно было просто посещать лекции. Регулярными визитами туда я не отличалась, но умудрялась прогуливать с какой-то особой удачей: то преподаватель сам заболел и не придет, то староста мое отсутствие не отметит, то переключку не проведут...

Правда, это везение всегда компенсировалось экзаменационной сессией. В билетах мне с завидным постоянством попадалось то, что я не успевала повторить, а в тестах я часто подставляла саму себя, сначала отмечая правильные ответы, а после зачеркивая их и меняя ответ на самый-самый неправильный. Выкручивалась исключительно благодаря памяти и харизме.

В группе про меня шутили, что я могу умастить кого угодно, попросту отпустив пару шуточек и посмотрев в глаза со «своим особым выражением». Понятия не имею, что это за выражение, как выглядит и в какой момент появляется, но пока получается и работает — это не так уж и важно.

Остановившись возле квартиры бабы Вали, я надавила на кнопку звонка посильнее, зная, что старушка туговата на ухо. Из приоткрывшейся двери на меня дохнуло вареной капустой и убежавшим молоком, послышалось рассерженное шипение сямки Багиры, путающейся в ногах у хозяйки. Я была одним из тех редких людей, за кого определили, собачник он или кошатник, сами животные.

К кому бы в гости я ни пришла, в каком бы дворе ни остановилась, реакция всегда была одинаковой: кошки шипели, выгибали спины и предупреждали, что выпустят когти, попробуй я только подойти, а собаки ластились и считали меня своим лучшим другом. Как-то раз огромная косматая бродячая псина, появившаяся из ниоткуда, просидела со мной и Ирккой три часа во дворе, просто прижимаясь к моей ноге. Мы, конечно, пошутили над этим, мол, животное плохую компанию не выберет, но припоминали эту странность еще недели две потом. В общем, в битве между злостным мяуканьем по ночам и слюнями на лице с утра я выбирала слюни.

— Баб Валь, это Агата с первого, — громко сказала я.

— Ты с собакой, что ли? Багирушка волнуется!

— Да ну, откуда собака, нет у нас ее, — терпеливо ответила я, подозревая, что Багирушка не волнуется, а собирается коварно вцепиться мне в ногу, едва представится такая возможность.

— Чего случилось-то? — открыла старушка дверь пошире, давая увидеть зеленую вязаную кофту и пуховый платок, обвязанный вокруг поясницы. Похоже, спину прихватило, может, она вообще лежала, а я ее подняла...

— Да лампа на лестничной площадке на первом опять перегорела. Нет у вас еще одной, я тогда сама заменю? — смутилась я, как-то не подумав, что она могла отдыхать.

— Еще чего, самой тебе менять, что у нас, мужиков в подъезде, что ли, нет? — праведно возмутилась баба Валя. — Иди, сейчас позвоню Степанне, пуцай внука своего пришлет, он у нее сегодня выходной, вот и поменяет. И с мамкой поговори, уж пора бы ей у меня этот пост забрать, она у тебя женщина грамотная, серьезная...

Вот только этой радости ей не хватало ко всем прочим. Я начала качать головой, не дослушав поток комплиментов маме. Старожилы дома уже третий год пытаются всучить маме шефство над подъездом, что на деле означало один сплошной геморрой: сбор подписей по всем вопросам, денег по всем возможным нуждам, звонки во все организации, занимающиеся благоустройством домов, проведение собраний, обивание порога городской администрации... Нет уж, к черту эти неприятности.

— Баб Валь, ну когда ей? Работает она, устает сильно, времени на сон не всегда хватает, жизнь сейчас такая, — заученно ответила я, поскольку разговор заводился далеко не в первый раз, но, может, баба Валя, в силу возраста, этого не помнит.

— Да-да, жизнь тяжелая, получила пенсию недавно, сходила в магазин, и вроде не купила ничего такого, а... — ожидаемо переключилась бабуля на заданную тему, и развивать ее она могла еще долго, если бы не возмущения Багиры, издающей горловые звуки, напоминающие обещания жестокой расправы. — Ох, милочка, мерзнет, наверное. Все, Степанне позвоню, лампу заменим, не переживай, — сократилась баба Валя до прощаний, закрывая дверь.

Решив, что миссия выполнена и максимум заботы о соседях проявлен, я спустилась в темноту первого этажа, перепрыгивая ступеньки. Нажав кнопку домофона, толкнула тяжелую железную дверь и наконец-то оказалась на улице. Начинало темнеть, скоро народ потянется с работы, что на деле означало не только пробки, но и длиннющие очереди в магазинах.

Прикидывая, не нужно ли чего купить домой, я сняла музыку с паузы, натянула варежки и бодро зашагала через двор по снежному лабиринту сугробов по пояс высотой, созданному водителями, прочищающими путь от своих машин до дома еще вчера утром. Шедший всю ночь снегопад немного подпортил первоначальную картину, но проехать все еще было можно.

Покачивая головой в такт музыке, я сдержалась от бормотания текста песни под нос, опасаясь лишний раз открывать рот на таком морозе. Покинув двор-коробочку через арочный проход, я вышла на проспект Ленина, одну из главных улиц Тулы, моего родного города, о котором общеизвестны две вещи: здесь пекут лучшие пряники и делают оружие. Собственно говоря, этого было достаточно, чтобы понять, что народ туляки гостеприимный и серьезный, но если требовалось дополнение и речь заходила о культурном наследии, то все вспоминали о Ясной Поляне, расписных самоварах, Левше и гармонии. И это уже было больше пунктов, чем могла похвастать наша соседка Калуга с ее Музеем космонавтики.

Кто-то подумал бы, что мне не нравится Калуга, но на самом деле я просто люблю свой город. И, по-моему, это нормально — любить свою малую родину больше других городов, какими бы прекрасными они ни были. Поэтому, когда пару лет назад речь зашла о возможном переезде в Москву в связи с маминым повышением по службе, я упиралась руками и ногами, в конце концов одержав победу.

Одна из самых главных моих проблем — я очень сильно привязываюсь к людям, местам и с трудом принимаю любые перемены в жизни. Трагедией считается даже завершение съемок любимого сериала, а уж такая глобаль-

ная вещь, как смена всей обстановки от и до, — вообще катастрофа. Катастрофа, которую удалось избежать.

Что, если сейчас с Ругаловой происходит то же самое? Я прикипела к ней, и теперь, когда в ее жизни произошли достаточно серьезные изменения, не могу подстроиться под эту перемену, сократившую ее время на меня, потому и злюсь?

Нет.

Ответ был, как всегда, четок и однозначен, загоревшись в голове огненными буквами. Мое «чутье» еще ни разу не подводило, чем я всегда очень гордилась. Достаточно было спросить что-то про себя, и внутренний голос уверенно и безапелляционно говорил «да» или «нет», без промежуточных «не знаю», «может быть», «наверное».

На самом деле это лишь самая незначительная, никому не известная моя особенность. С детства от сверстников меня отличал целый ряд «ненормальностей», из-за которых я не могла как следует вписаться ни в одну компанию. Детский сад, школа, соседские ребяташки во дворе... Мне нигде не было места из-за моих странностей.

Например, моей обычной температурой считалось 37 и 2, и в школе я часто использовала это, легко отпрашиваясь домой с контрольных. Заболела, что поделаешь. ОРЗ — оно такое коварное: насморка и кашля еще нет, а температура вот, уже есть. К слову, я вообще никогда не болела простудой, гриппом, ангиной и чем-либо, через что проходят все дети. Даже банального несварения желудка и того не случалось. Что, разумеется, ни капли меня не расстраивало.

И это подводило еще к одной моей странности. Я ела все, и очень быстро. Настолько быстро, что мои немногочисленные родственники, смеясь, напоминали, что можно и помедленней, никто не отнимет. Упаковка сарделек улетала за пару минут, и это считалось лишь легким перекусом. Вообще все, что могло назваться мясом, поглощалось почти мгновенно.

Подумав о шашлыках, на которые завтра отправится Ирка со своим Лешей, я завистливо вздохнула. Может, они окажутся невкусными, в соленном маринаде, или жа-

рить будет неумеха и спалит их до угольков. Я этого в любом случае не узнаю.

Да Ирка тоже не поймет, она вообще в еде неразборчива. Не различает, где слишком соленое, где острое, а где вообще пища испорчена и лучше ее даже не пробовать. В отличие от меня. В дополнение к зверскому аппетиту мне также достались обостренный слух, обоняние и вкус. Видимо, чтобы этот самый аппетит не свел меня в могилу.

Но даже не это делало меня отщепенцем, хотя девочка, которая в любом окружении всегда слышит сплетни про себя и не мирится с этим, открыто вступая в конфликт, по определению не может быть душой компании. Скорее уж занозой в одном месте.

Один такой конфликт в далеком детстве показал самое главное мое отличие, заставившее меня саму сторониться чьего-либо общества долгое время. Я не хотела повторения того случая. Я не хотела даже чего-то минимально приближенного к нему.

Поморщившись, я стянула варежку с правой руки и сунула ее в карман, к плееру. Не доставая верного (пока разряженная батарея не разлучит нас) друга, я разблокировала его и прибавила громкости. Это всегда помогало уйти от назойливых жалящих мыслей, а их в последнее время что-то поднакопилось.

Миновав аллею с десятком уютно расположенных прямо перед маленькими фонтанчиками скамеек, я свернула мимо городской детской библиотеки и прибавила хода, успешно разминувшись с двумя женщинами, волокущими пакеты с коробками из-под обуви. Это напомнило о моих любимых и окончательно загубленных осенью кедах, потерпевших поражение в схватке с бездорожьем.

Покосившись на кондитерскую через дорогу, я огромным усилием воли заставила себя идти дальше, хотя о божественности здешних бубликов знал весь город. Когда вдаль показалась железная ограда парка, я едва не перешла на бег — настолько хотелось побыстрее оказаться внутри, подальше от машин, людей и бесконечного грохота, не перекрываемого даже музыкой.

В парке как будто начиналась другая страна. Все такое тихое, сказочное, бело-апельсиновое в свете фонарей

и с черными крапинами-стволами деревьев. Мамочки уже закончили свой вечерний променад, никаких лыжников из-за погоды, да и всяким парочкам и компашкам тоже не сезон. Красота.

Конечно, гулять в огромном безлюдном парке после наступления темноты равно напрочь отбитый инстинкт самосохранения, но как раз с ним у меня все было отлично. А вот все ли в порядке с моей головой — это уже другой вопрос. Вопрос, поиском ответа на который я занимаюсь уже не первую пятилетку.

С быстрого шага я перешла на легкий бег трусцой, добежала до центрального фонтана, мимо деревянной сцены, и уже заворачивала к аллее, где в теплое время года работали аттракционы, когда внимание мое привлек крик. Резко притормозив, уже оборачиваясь, я увидела несущегося на меня лабрадора.

Весело гавкнув, он промчался мимо по прямой, хлопая ушами и оставляя за собой борозду от заледеневшего ленточного поводка, вившегося за ним. Секунды были потрачены на понимание происходящего, и к тому моменту, когда стало очевидно, что пес убежал от хозяев, он уже скрылся за поворотом на аллею, ведущую к детским площадкам. Черт!

В начале аллеи показалась задыхающаяся полноватая женщина в тяжелой шубе. Согнувшись, она оперлась ладонями о колени и, увидев меня, закричала:

— Здесь лабрадор не пробегал? С синим ошейником и поводком?

— Пробегал! — сдернула я наушники. — В сторону площадок побежал! Как его зовут?

— Джамбо! Стервец! За белкой погнался, дурья башка!

— Вы идите с той стороны, а я побегу за ним! — особо не раздумывая, что делать, крикнула я, указывая ей на параллельную аллею, также ведущую в ту сторону, только более длинным путем. — Сейчас поймаем!

Я припустила следом за Джамбо, досадуя, что не сообщила наступить на поводок сразу как увидела. Вот чего я, спрашивается, стояла и ждала? Погоды на море?

Проскочив велосипедную дорожку, я всмотрелась в лес, опасаясь, что беглецу хватит ума сойти с дорожек и ри-

нуться напролом. Тогда мы рискуем его вообще не поймать или его прихватит кто-то другой и уведет домой. Даже если к ошейнику прикреплен телефон хозяйки, это могло ничего не значить. Добрых людей на свете много, и закон «что нашел — то мое» еще никто не отменял.

— Ну же, Джамбо, куда ты ускакал? — буркнула я себе под нос. — Джамбо! Джамбо! Джамбо!

Выкрикивая кличку собаки, я на бегу расстегнула пуховик, сковывающий движения, совершенно не чувствуя мороза. Отличная проверка иммунной системы. Если и после такого не заболēju, можно будет окончательно утвердиться в этой аномалии моего организма.

Вдалеке мелькнул рыжий хвост, и я увеличила темп, надеясь, что рано или поздно пес заинтересуется каким-нибудь запахом или у него в лапы набьется достаточно снега, чтобы притормозить. Понятное дело, что пытаться догнать мчащуюся во весь опор собаку — дохлая затея. Это даже профессиональному бегуну не под силу, а я им точно не была, хотя и отличалась определенной выносливостью к физическим нагрузкам.

Похоже, Джамбо пошел на второй круг. Перейдя с бега на быстрый шаг, надеясь нормализовать сбившееся дыхание, я решила срезать и перехватить его в начале аллеи, где обычно в теплое время года проходили занятия по физкультуре у спецгруппы. Как раз с противоположной стороны от фонтана и главного входа. Выбежав в ее начало, к ряду скамеек, я посмотрела на видневшийся неподалеку сквер у кинотеатра и зацепилась взглядом за единственную занятую скамью. Частично занятую, если точнее.

На спинке, словно петух на насесте, сидел парень в черных джинсах и кожанке, разглядывая свои ноги в тяжелых ботинках, опущенные прямо на сиденье. Напротив него стояли две девушки, тоже во всем черном. Та, что была повыше, еще и курила.

Первой внимание на меня обратила ее спутница. Резко развернувшись, она почти полностью закрыла собой курящую и внимательно посмотрела на меня, будто оценивая угрозу. Настороженность в ее взгляде удивляла и даже несколько обижала. Понимаю, если так смотреть на нар-

комана, мало ли что тому в голову взбредет, но я-то вряд ли хоть чем-нибудь походила на человека под дозой или ищущего ее.

— Простите, — все же обратилась я ко всей тройке, поскольку других вариантов не было. Если Джамбо здесь пробегал, они просто не могли не увидеть здоровую, породистую, явно домашнюю собаку, промчавшую мимо на световой скорости.

— За что? — выглянула из-за настороженной куращая, и я едва сдержалась от того, чтобы не отступить на пару шагов, развернуться и побежать искать Джамбо в другом месте. Ее карие глаза усмехались, как будто она знала, что я хочу дать деру. Хотя, скорее всего, у нее таких ситуаций, когда чувствуется собственное внешнее превосходство, по десятку каждый день.

Девушка напоминала вампира, какими их представляют на разных готических фотосессиях: бледное лицо, черные стрелки и ресницы, алая помада, длинные черные волосы по пояс, как будто вытекающие из капюшона пуховика. Руки и те были не в варежках, а в перчатках. Словно этого было мало, образ довершали массивные перстни с громадными камнями, нанизанные на пальцы прямо поверх ткани. До того как она опустила руку с тонкой, скуренной наполовину сигаретой, я точно увидела зеленый и красный.

Вторая оказалась столь же готична, разве что более спортивна, чем элегантна. На ней были надеты зимние ботинки, чем-то похожие на мои, а не сапоги по колено, черные обтягивающие джинсы, кожаная куртка с меховым воротником и обычная черная шапка, из-под которой на лоб вылезали черные пряди. Наверное, короткая стрижка. Да и макияж ближе к моему: только губы и ресницы, ничего особенного и привлекающего внимания. Зато глаза ярко-зеленые, что, в общем-то, редкость, такой не требуется косметика, чтобы быть замеченной.

В любом случае, в сравнении с этой парочкой я в своем обыкновенном пуховике нараспашку, вязаном шарфе, свисающем одним концом до колена, а вторым до пояса, и в состоянии сильной растрепанности не то что проигрывала, а даже не была допущена в их лигу.